

Владимир КОКАШИНСКИЙ
 публицист, «Литературная газета»

ЭТИКА ЭТИКИ ¹

Отношения между учеником и учителем вытекают из нескольких простых постулатов. Например:

1. Обучение требует периодической проверки того, как усвоены полученные знания.
2. Для того чтобы полученные знания не оставались мертвым грузом в голове обучающегося, необходимо упражняться в умении применять эти знания на практике, в решении практических задач.

Из признания этих бесспорных положений вытекают: право учителя требовать выполнения заданных уроков и обязанность ученика отвечать на вопросы учителя. Осуществляемая таким образом проверка знаний происходит на экзаменах, зачетах, школьных уроках, семинарских занятиях и так далее.

Пока речь идет о так называемом нейтральном знании, дело обстоит довольно просто. Математик дает уравнение — ученик его решает. Физик предлагает задачу — ученик ее решает. Химик дает пробирку и реактивы — ученик, на основе усвоенных химических законов, осуществляет ту или иную реакцию. Все эти проверочные процедуры связаны с волнениями, переживаниями, и чем испытание ответственнее, тем значительнее эти волнения и переживания, доходящие на решающих экзаменах порой до серьезных нервных срывов и потрясений. Но что поделаешь, таковы постулаты педагогики, иначе эффективное обучение невозможно. Что же касается переживаний, то в них, в общем-то, нет ничего опасного. Не решил сегодня — решишь завтра, не выучил к сроку — подготовишь в следующий раз. В конце концов даже если вообще, скажем, физические задачи не поддаются тебе — видимо, ты занялся не своим делом, и следует поискать счастья в сольфеджио или сочинении стихов. Но...

Известно древнее изречение: если бы математические аксиомы затрагивали интересы людей, то вокруг них давно бы шла ожесточенная борьба. В том-то и дело! Математические аксиомы не затрагивают интересов людей, они нейтральны по отношению к внутреннему миру человека, личности. И до тех пор, пока речь идет о таком нейтральном знании, перед педагогикой не возникает никаких иных постулатов, кроме поименованных выше — тех, из которых логично исходит Владимир Бакштановский, ратуя за необходимость практической проверки усвоенных учеником знаний по этике путем

¹ Кокашинский В. Этика этики // Аврора. 1973. № 4. С. 46-49.

решения «этических уравнений», за необходимость создания задачника по этике – аналогично давно действующим задачникам по математике, физике, химии. Тут, безусловно, есть своя логика. Раз этика становится, а во многих местах уже стала учебным предметом, то и методические основы обучения должны быть те же, что и в отношении любого другого предмета.

Однако, оставим пока этику. Если математические аксиомы нейтральны по отношению к человеку, к его сокровенному «я», то этика, бесспорно, занимает диаметрально противоположное им положение. А между этими крайними точками расположились многие другие дисциплины. Небезынтересно путь к этике проделать постепенно. Владимир Бакштановский, в поддержку своей последовательной и строгой аргументации, тоже ссылается не только на математику и физику – на обучение хозяйственно-управленческой деятельности, например, где, особенно в последнее время, тоже не обходится без решения задач, «проигрывания» различных ситуаций на экономических моделях. Для нашей последующей аргументации есть одна дисциплина, особенно наглядная и емкая. Это военная наука.

Вы решаете оперативно-тактическую задачу на условной топографической местности, или, как говорят военные, «на ящике с песком». Это пока всего лишь игра, чисто педагогическое ухищрение, имеющее целью проверить усвоенные знания. И вот вы на основе полученных от преподавателя условий игры (поставленная тактическая задача, собственные силы, силы противника, обстановка на местности, время года и суток, взаимодействие с соседями, и т.д., и т.п.) принимаете решение и отдаете приказ. Выслушав вас внимательно, преподаватель перед всей группой участвующих в занятии резюмирует: «Ваши танки горят, пехота с большими потерями отступает к слабо защищенной высоте номер семнадцать, противник готовится к немедленному контрнаступлению».

Это всего лишь игра у ящика с песком, то самое «проигрывание на модели», но от слов увещанного орденами полковника вам становится жутковато. А если бы это было не игрой? А если эту задачу пришлось бы решать на поле боя? Вы избегаете взглядов своих сослуживцев, ибо они красноречивы. Вы углубляетесь в учебники, восполняете пробелы в знании огневой мощи танкового и стрелкового оружия, средств связи и сигнализации, способов налаживания взаимодействия различных родов войск и многого, многого другого, ибо решение тактических задач требует глубокого знания всей совокупности военных дисциплин, ибо эти задачи не решаются одним лишь абстрактным ходом мысли, как за шахматной доской.

Но это еще полбеда. Недостаток знаний можно восполнить, и в следующий раз задача будет решена правильно — будут выбраны средства, адекватные поставленной цели. Бывает, однако, и так, что молодой командир хорошо знает военные науки, тактически грамотно мыслит, а полковник все же

резюмирует: «Танки горят, пехота с большими потерями отступает...» И тогда разбор занятия беспощадно показывает, что роковое решение было принято не по недостатку знаний, а в силу особой моральной установки принявшего решение. На все специальные вопросы он отвечает правильно. Все было им учтено, осмыслено, ничего не упущено. А мотив принятого решения лежит совсем в другой области — карьеризм, например, желание выслужиться, в результате чего в решение был введен крайне сомнительный фактор, или жестокость, безжалостность, отношение к тому, что военные называют «живой силой», то есть к людям, как к деревянным фигуркам на шахматной доске. Все это не скроется от опытного старшего командира, ведущего занятия.

Но здесь мы имеем дело с пограничной ситуацией. Военная наука — особая наука, военный человек — на особом положении. Он с л у ж и т . Служит своему Отечеству, служит главному интересу всех граждан — безопасности. Человек надел погоны, и тут же его жизнь подчиняется определенному и обязательному распорядку, диктуемому военными уставами. Суверенность его личности на службе ограничена, в том числе и во многих щекотливых вопросах его внутренних моральных установок. Это неизбежно. Так надо. Неровен час, настанет время, когда люди будут включены в сферу его решений как объекты, как «живая сила». Лучше проверить все качества командира заблаговременно — ведь речь идет о безопасности Отечества.

Но вот в научный, производственный, какой угодно «цивильный» коллектив приходит «социолог» и начинает задавать вопросы — с помощью анкеты, конечно.

Является ли руководитель вашего предприятия профессионально образованным человеком?

Достаточно ли высок общий уровень развития вашего руководителя!

С кем из работников вашего предприятия вы не хотели бы работать в одном коллективе!

И тому подобное.

Такой «социолог» мотивирует свой разбой необходимостью научного подхода к созданию здорового морального климата в коллективе. В результате все перессорились друг с другом, подчиненные не доверяют руководителю, коллектив, казавшийся спаянным и дружным, распался, многие подали заявление об уходе. Наука требует жертв.

Нет, не требует. В таком смысле, во всяком случае. Она требует грамотности, в том числе и соблюдения определенных этических «табу», запретов, коль скоро объектом исследования оказываются люди. Между этими требованиями и требованиями самой науки нет никакого противоречия. Безграмотно, бестактно, в лоб поставленные вопросы не дают собственно науке никакой объективной истины, ибо искренность и достоверность ответов на

такие вопросы всегда остается под сомнением. Квалифицированный социолог при исследовании щекотливой проблемы так сформулирует вопрос, чтобы опрашиваемый не догадывался, для чего его об этом спрашивают, а затем уже на основе твердо установленных корреляционных закономерностей сделает из опроса объективные выводы.

Так, собственно, работает и психолог с тестовой методикой. Для того чтобы получить «работающий», дающий объективные данные тест, да притом еще такой, который не наносил бы ущерба личности изучаемого, необходимы годы и годы, необходимы тысячекратные проверки самого теста, не меньше, чем перед внедрением в медицинскую практику нового лекарства. Ибо для социолога и психолога, так же как для врача, неукоснителен принцип: «Не вредить». И еще обязательным является условие добровольности предоставления информации, касающейся внутреннего, интимного мира личности.

Разве же все это – усиленное во сто крат – не относится и к этике? Ведь если социолог и психолог должны быть осторожны, так как затрагивают порой некоторые щекотливые свойства личности, то этик вторгается в самое сокровенное, в то, что едва ли может быть предметом игры. Этическая экзаменация (а экзаменация носит принудительный характер, она обязательна для ученика) неизбежно приобретает характер исповеди, если речь идет не о проверке отвлеченных знаний, а о решении «этических уравнений» типа «Как бы ты поступил?» Кто давал преподавателю этики санкцию на принятие исповеди, да еще без сохранения тайны, ибо экзаменация – мероприятие публичное?

В исповедальной между верующим и священником существовали другие отношения. Во-первых, верующий считал, что у священника на это есть санкция «Всевышнего», во-вторых, священник обязался хранить тайну исповеди (хотя нередко нарушал ее в чьих-то интересах), в-третьих, – и это, может быть, самое главное, – верующий в обмен на суверенность своего внутреннего мира получал отпущение грехов, то есть утешение. Ну, а этическая экзаменация на «житейских моделях» что дает? «Двойку» или «пятерку» в зачетной книжке?

Конечно, педагог (педагог, а не преподаватель только!) имеет право на вмешательство в нравственную позицию учащегося. Ибо учащийся – это всегда еще и воспитуемый. Без такого вмешательства воспитание невозможно. Но тут уже действуют совершенно другие постулаты педагогики, совсем не те, из которых выводит свою концепцию Владимир Бакштановский! Тут действуют добровольность, доверительность отношений между учеником и учителем, право на тайну, на анонимность, право быть откровенным, или не быть им, или быть в определенных пределах. Этический такт педагога – единственный здесь ключ к успеху. Что получается, когда этого такта нет, мы видели из фильма «Доживем до понедельника», когда откровенность

и искренность, которыми злоупотребил педагог, сделали ученицу объектом ребяческого максималистского нравственного террора. А вот телевизионный спектакль «Здравствуйте, наши папы!» сам по себе представляет пример педагогической бестактности. Детей заставили написать сочинения о своих отцах, а потом преподаватель зачитывает эти сочинения отцам на родительском собрании, пусть анонимно, – все равно суть фильма в том, что все отцы себя узнавали. Не случайно ни один грамотный педагог-воспитатель не ставит на уроке в принудительно-экзаменационном порядке вопросы типа – как бы поступил ученик на месте Онегина, Базарова, Каренина и т. д., а выносит подобные разговоры на открытые диспуты, где участие добровольно, где отметок не ставят; хочешь – выступай, не хочешь – сиди слушай.

Но Владимир Бакштановский говорит не о задачах воспитательного свойства, он говорит об учебных задачах, решение которых обязательно, принудительно. Автор статьи «Предмет как всякий другой» – молодой ученый, активно и заметно разрабатывающий ряд актуальных теоретических проблем этики, в частности проблему цели и средств, проблему выбора в конфликтной ситуации и др., неизменный участник научных конференций и симпозиумов по этике, работает в Тюменском индустриальном институте и преподает там эту науку. Многие методические вопросы преподавания этого нового в системе нашего образования предмета действительно еще не решены. Тюменским индустриальным институтом выпущено методическое пособие «Начала этики». Эта работа оставляет хорошее впечатление глубокой постановкой теоретических проблем, историко-философской оснащенностью. Включены в пособие и так называемые «этические уравнения» в виде контрольных вопросов и задач. Контрольные вопросы никаких сомнений не вызывают, ибо касаются все они лишь проверки усвоения теоретических знаний – определения этических категорий и системы их отношения, истории и судеб различных этических воззрений и т. д. Но вот задачи... Возьмем одну из них.

«Если на глазах человека, не умеющего плавать (не научился не по его вине), тонет другой человек, его друг, и первый не бросается спасать его вплавь (предполагается, что других способов спасения нет), то можно ли квалифицировать его пассивность в этой ситуации как нарушение долга! И должен ли он, по-вашему, в этой ситуации все-таки броситься на помощь другу?»

Подумайте, как должно ответить на этот вопрос. Сказать «да» – значит выглядеть экзальтированным глупцом, лишенным разума или неискренним человеком, вставшим в «красивую» нравственную позу. Сказать «нет» – но это же кощунство! Ведь слово – тоже дело. Слово – тоже поступок. Более того, даже тайная порочная мысль, не высказанная, не выраженная, – поступок. Еще Демокрит говорил, что «должно стыдиться самого себя столько же,

как и других людей, и одинаково не делать дурного, остается ли оно никому не известным или о нем узнают все». Сказать: пусть друг утонет, раз нет возможности его спасти, – это, сознайтесь, странная какая-то игра, исполненная жестокой нравственной глухоты. Но именно такого (в принципе) ответа требует Владимир Бакштановский, хотя признает, что даже не все специалисты в области этики избирают именно этот ответ. Что же делать несчастному студенту или, хуже того, ученику средней школы?

Впрочем, опустим это несколько старомодное содрогание перед «словом изреченным». Ведь предложена тупиковая задача, не имеющая с этической точки зрения удовлетворительного ответа. Такие задачи, конечно, ставит нам и сама жизнь. Но здесь нравственность оказывается как раз за пределами этого рассудочного уравнения. Если человек, не умея плавать, бросится спасать друга и, конечно же, погибнет вместе с ним (по условию задачи шансов на спасение нет), то он поступит безрассудно, но мы не можем его осуждать, ибо он совершил нравственный подвиг любви к другу. Если же человек этот не пошел на заведомое самоубийство и не спас друга, то о его нравственности мы будем судить не по *э т о м у* его поступку (при данных условиях за это тоже нельзя осудить), а по последующему его состоянию. Мы поставим под сомнение нравственность человека, который, *р а с с у д и в*, что другой альтернативы не было, быстро утешится и забудет о выпавшем на его долю испытании. Но нет, не забывается. Часто в торжественно-грустных застольях боевых друзей-фронтовиков возникают тяжкие воспоминания: «Нет, не было никакой возможности спасти капитана Боброва. Погиб на глазах. Ничего нельзя было сделать. Вечная ему память, какой души человек был!» А через год снова эти же друзья собираются. И снова – капитан Бобров. Снова восстанавливаются мельчайшие подробности, обстоятельства того боя, взвешиваются невероятные варианты: «А что, если бы... Нет, не было никакой возможности. Вечная память!» И так вот уже более четверти века. Это святые люди! Дающие самые высокие уроки нравственности всем окружающим.

А задачник по этике, вероятно, нужен. Только пока создается впечатление, что еще не ясны принципы такого задачника, не проделана необходимая работа по определению типа и класса задач, которые дозвоительно предлагать учащимся, по установлению этических запретов, «табу». Пристального внимания требуют вопросы охраны суверенности личности, а это связано с проблемой тайны, анонимности ответов, если таковые нужны. В общем, простой аналогии с физикой и математикой мало. Пока же в аргументах Владимира Бакштановского преподаватель-методист взял верх. Этик забыл об этике.